

Ирина Рябинова
Отходы класса «О»

ОТХОДЫ
КЛАССА «О»

Ирина Рябинова
Отходы класса «О»

«Автор»

2026

Рябинова И.

Отходы класса «О» / И. Рябинова — «Автор», 2026

В этом мире мусор стал строительным материалом цивилизации. Районы растут из собственных отходов. Города самовоспроизводятся. Экологическая катастрофа побеждена. Но когда детская площадка начинает разрушаться, словно заражённая болезнью, следователь Илья Жаров находит в её структуре след невозможного — переработанного человеческого тела. За аварией стоит исчезнувший инженер, старое убийство и вопрос, который никто не хотел задавать: что, если идеальная система принимает человека как допустимый расходный материал? Рассказ о технологии будущего, которая спасла мир — и о моральной трещине, проходящей через её фундамент.

© Рябинова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ирина Рябинова

Отходы класса «О»

1

Утро началось сумбурно. В пять Илью Викторовича разбудил телефонный звонок. Ночной оператор — Аллочка — та, что любит закручивать причёску на манер Одри Хепберн, будто её кто-то мог увидеть через телефонную линию, заливисто пересказывала происшествие, как дешёвый сериал. Лавочки. Трещины. Ничего не понятно. Под боком заворчала жена, натянула одеяло на голову и отвернулась лицом в подушку.

В шесть, когда Илья Викторович чистил зубы, позвонил дежурный судмедэксперт. Телефон завибрировал в кармане, рука дрогнула, и паста капнула на ворот любимого махрового халата. Пришлось оттирать мокрым полотенцем, пока слушал отчёт про какие-то следы биосвязующего состава, остаточную структуру белков и "всё вышло из-под контроля». Нужно у Маши спросить, когда проснётся, что такое «автокаталитический эффект».

В половину седьмого позвонил Боткин из Рецикл-департамента, заверил, что система работает исправно и «всё под контролем». Пуговицы рубашки отказывались сходиться с петлями в районе живота — опять новый размер заказывать.

В семь, когда Илья Викторович занёс руку над интерфейсом пищепровода и раздумывал, чтобы взять на завтрак — омлет или оладьи, позвонил начальник и коротко велел «немедленно взяться за дело». Завтрак отменился. Так же как и новая серия «Битвы за контейнеры». Илья Викторович взял только сэндвич в вакууме, который сунул в карман пальто, и чёрный кофе в одноразовом стаканчике. Поцеловал в макушки сонных детей. Разве им не нужно в школу? Помахал с первого этажа жене и вышел во двор.

Припаркованная на подъездной дорожке белая Лада Вольг подмигивала с лобовой панели зелёной цифрой "172". Ещё восемнадцать дней на приколе и категорию прав повысят до международных. Илья Викторович посмотрел на часы и снова на табло. Почесал подбородок и пошел к метро.

Утро уже занялось, солнце подмигивало меж голых, наливающихся ветвей, небо стояло высоко — день обещал быть чудесным. Кофе из пищепровода идеальной температуры, грел, но не обжигал — с тех пор, как его добавили в меню, жители Отрадного перешли в новый статус.

Илья Викторович с удовольствием отметил, что за ночь на детской площадке выросла ещё одна горка. Ему нравилось смотреть, как район распускается словно цветок под печатными головками монтажных дронов.

На станции метро, оформленной в новом минималистичном стиле зрелого футуризма — с обтекаемыми формами, когда не видно углов, только пологие переходы — было малоллюдно — в Отрадном жили в основном служащие, чьи смены начинались на два часа позже. Илья Викторович сел в электропоезд, почитал новости гаражных распродаж, и на нужной станции вывалился в толпу. Противоположностью протиснулся к выходу, поднялся на поверхность и сверился с картой в смартфоне. Наверху нагнал Боткин и вызвался в попутчики. По дороге сыпал терминами, всегда забывал, что не все их понимают, впрочем, не исключено, что намеренно, так проще давить собеседника. Боткин, как и Илья Викторович, поднялся из низов, того же возраста порядком за сорок, но в противовес худощав, лысоват и имел привычку называть всех по фамилии с приставкой «господин». Было в нём что-то от ящерицы — то ли выпуклые глаза под толстыми стёклами очков, то ли навык — не мигая и совершенно без движения подолгу смотреть на собеседника. Впрочем, сегодня лицо Боткина выглядело живее обычного, если не сказать — взволнованно.

— Господин Жаров, — говорил он ритмично, будто выбивал стакатто, кожа на шее пульсировала вместе со словами, — нет никаких доказательств...

— Старший следователь, — поправил Илья Викторович.

— Господин старший следователь Жаров, ещё раз повторю вам, это возмутительно. Инсинуации вроде этой подрывают доверие к системе.

— Павел Петрович, не мешайте следствию. Если уж вас прислали — дело серьёзное.

Боткин поцокал языком, — Меня никто не присылал. Я сам себя прислал.

— Ну, я же говорю. Точно серьёзное. Иначе зачем вам себя присылать. Чай — не мальчик на побегушках, а сам зам зама.

Боткин остановился, сощурился, словно видел ясно и чётко, что Жаров за насмешкой верил в его правоту, или по крайней мере желал верить.

Дальше они шли молча, на некотором удалении друг от друга, по тротуару вдоль двухполосной дороги. Слева и справа узкий ряд молодых деревьев, а за ними колодцы многоквартирных высоток. Все новые. Как только что рождённые младенцы — голые и совершенно неотличимые друг от друга. По шкале Аппар они приближались к удушью, синевато-серые на фоне апрельского неба, но Рецикл-система, давал им шанс обрасти уютом. Сразу видно — молодой район, ещё не обустроенный: под ногами обычный асфальт, даже не плитка, пара самоходных урн, и ни одной лавочки или фонарного столба.

Впереди за поворотом виднелись припаркованные полицейские машины. Илья Викторович поравнялся с ними, приветствовал патрульного, приподнял жёлтую ленту и вошёл на ограждённую территорию. Эксперты ещё работали. Толя Лукашин из опергруппы увидел начальника, помахал и зашагал на встречу. Хороший он парень, далеко пойдёт. Илья Викторович хотел махнуть в ответ, но вспомнил про зажатый в руке стаканчик. Заглянул под крышку — пусто, даже следа не осталось, в пищепроводном кофе не бывает осадка, словно его не заваривают, а дистиллируют как самогон — и подошёл к утилизатору. Нашёл ячейку, помеченную оранжевым стикером «для картона», как на стакане, и открыл. Но стакан полетел не вниз, а вверх и в сторону — это Толик в прыжке выбил его из рук.

Две невесты откуда взявшиеся коричневые капли приземлились на ворот пальто.

— Илья Викторович, нельзя, — пропыхтел Лукашин, восстанавливая дыхание, — Место преступления. Утилизатор закрыт.

— Ааа, — протянул Илья Викторович, достал платок и потёр им ворот. — Так! В смысле место преступления?

— Да вот так вот. Вам звонили?

— Звонили. Аллочка.

Толик понимающе кивнул и хихикнул, свистом подозвал урну и выкинул стаканчик. Всё-таки ответственная молодёжь выросла, следит за порядком.

— Доложи.

— Пойдёмте, это надо показывать, — опер указал рукой в сторону от дороги. Толик не достиг ещё и тридцати, но на службе был на хорошем счету. Исполнительный, прилежный. А главное, идейный — никакому злодею спуска не давал. На допросах ему не было равных — образ добродушного весельчака, точно обезьянка в зоопарке, заболтает, очарует, а потом, как вцепится и вытрясет из карманов все потаённые комья пыли и обломки ногтей. Лучшая версия Жарова в молодости. Эх, не в то время Толик родился, ему бы в Уголовном розыске работать, а так все больше штаны просиживал с девчонками в диспетчерской. Впрочем, и к добру.

Они минули ограждение и прошли метров двести вдоль сдвоенной многоэтажки до второго жёлтого барьера с детской площадкой в центре. Небольшая песочница. Песок обычный, не кварцевый, как в Отрадном. Стальная горка. Турник с лестницей из труб. Подвесные качели на цепях. Много металла, похоже, из дотационного, здесь-то ни заводов, ни мастерских — только

жилой массив. Ещё одна лента натянута по периметру два на два метра вокруг полимерного крошева.

— Вот тут, — Толик подошёл к насыпи, — была качалка-балансир. Ночь назад дроны напечатали. Дети днём катались. А потом она трещинами пошла. Говорят, прямо как паутина. И рассыпалась. У детей ушибы. Родители в Департамент жалобу накатали.

Илья Викторович почесал затылок, — А мы тут при чем? Убойка теперь смерть качелей расследует?

— Ага, — лицо Толика расплылось в улыбку, как у Чеширского Кота, он двигал бровями вверх, вниз и поглядывал за спину начальника.

Илья Викторович закатил глаза, — Не томи.

— Утилизатор.

— Что утилизатор?

— Если коротко, в утилизатор труп засунули.

— Не может быть!

— Вот и я говорю, не может, — вмешался Боткин, которой только что их нагнал.

Илья Викторович с неохотой признал, что с ним согласен.

— Может, не может, — продолжил Толик, — а экспертиза говорит, что качели рассыпались от агрегатов редкого белка, генетическая аномалия. Ге-не-ти-чес-кая, — повторил он по слогам. — Человеческая то есть.

— Но система не пропустит, — отрезал Илья Викторович и вопросительно посмотрел на Боткина. Тот застыл, глядя на останки качелей, и заторможенно кивнул.

— Есть ещё камеры наблюдения, — добавил Толик, — Их сейчас в отделе изучают.

Илья Викторович, вздохнул, развёл руками и звонко хлопнул себя по бёдрам, справа что-то хлопнуло, он вспомнил про сэндвич, достал пакет и отдал Лукашину. Есть расхотелось.

В участок добирались на служебной машине. Боткину разрешили остаться на месте, под присмотром патрульного. По дороге Толик строил фантастические теории — одна драматичнее другой. На экспериментах пришельцев они, наконец, зашли в участок.

Илья Викторович заглянул в кабинет, расправил пальто на вешалке, убрал в шкаф и спустился в компьютерный отдел. Телефон пискнул в кармане.

Зотов, старший эксперт, обернулся на звук, козырнул двумя пальцами ото лба и снова склонился над айтишником. Оба уткнулись в монитор.

— Вот, вот, вот, — молоденький айтишник ткнул в экран. Через участок проходило много молодёжи с горящими глазами и амбициями, взращёнными на старинных фильмах. Реальность разочаровывала и нагоняла тоску.

Илья Викторович сощурился, пытался разглядеть хоть что-то на монохромной записи:

— На что я смотрю?

— Лёша, увеличь, — Зотов развёл в воздухе пальцы, как на сенсорном экране, и очертил воображаемую окружность, — Сюда смотрите.

Илья Викторович приблизился, наклонил голову влево, затем вправо, глаза его расширились, — Это что, пальцы?

Зотов кивнул, — Лёша, проиграй с часа ночи.

На записи с камеры наблюдения рябил пяточек утилизатора. Спустя пятнадцать секунд, судя по таймеру, справа в кадр упала тень, а затем появился человек в чёрном спортивном костюме, на голове балаклава, за собой волоком тащил полиэтиленовый мешок. Человек, судя по фигуре и движениям — мужчина, отпустил полиэтиленовый узел, распрямился и потёр поясницу. Мешок в одном месте протёрся и в прореху вывалилась человеческая рука. Мужчина повертел головой, остановил взгляд на камере, словно знал её расположение, несмотря на маскировку, открыл отсек утилизатора для биоотходов и схватился за мешок. Остальное закрыла спина. Но судя по возне и пыхтению, он пытался затолкать содержимое в приёмник.

Пустой мешок скомкал, положил в отсек для полимеров, отряхнул руки, вздохнул и вышел из кадра.

Над ухом присвистнули, — Ух ты! — как спустился Толик, никто не слышал, — Настоящее убийство!

— Ага, — Зотов скалился словно пацан.

— Отставить радость! — Илья Викторович сжал губы и вздохнул. — Человек погиб всё-таки, — хотя признавать это по-прежнему не хотелось, дело есть дело, надо работать.

Улыбки притухли, но не пропали, Толик закусил губу.

Снова пискнул телефон. Илья Викторович как будто невзначай глянул в карман, — Я на обед.

Подчинённые переглянулись.

— Вас подвезти?

— Не надо. А, впрочем, давай.

2

Маша возилась во дворе с тяпкой и обливным ведром.

Илья Викторович отпустил Толика, прошёл по тропинке и перегнулся через низкий штакетник, образуя тень. Маша подняла голову и сощурилась. На лице чернела свежая земля, размазанная рабочей перчаткой. Жена поднялась, подпёрла левым кулаком с зажатой тяпкой поясницу, а правую приставила козырьком ко лбу, закрываясь от солнца.

— Не понимаю, как у них эти примулы так прижились, — она кивнула в сторону соседского забора, — я каждый год за ними как за родными детьми хожу, а всё равно... Столько сил! Эх, чувствую, и в этом году половина помрёт.

— Ну, так и брось.

Маша махнула тяпкой, точно знаменем, — Брось, говорит! И что тогда? Целый день сериалы смотреть?

Илья Викторович похлопал жену по плечу, — Ну, ничего, ничего. Вырастут твои цветочки. Детей же вон вырастила, — он махнул рукой в сторону детской площадки. — Кстати, а почему они не в школе?

Маша не глядя метнула тяпку в землю и едва не задела примулы, — Опять забыл, что сегодня экскурсия? Имена-то хоть помнишь?

— Настя, Петя, обедать, — крикнул Илья Викторович так громко, как смог, но дети, кажется, не услышали.

Маша стянула перчатки и бросила рядом с тяпкой, точно намеренно пыталась загубить цветы.

Телефон снова пискнул, но остался в пальто.

Близнецов дожидаться не стали, сели за стол.

Выгребая остатки желеобразного борща хлебом, Илья Викторович спросил, — А что такое автокаталитический эффект?

— Автокаталитический, — Маша отложила вилку с нанизанной котлетой и недоверчиво посмотрела на мужа, — это ускорение химической реакции, когда катализатором выступает её же продукт. Ты кроссворды, что ли, разгадываешь?

— Да тут просто дело одно. А эксперты, как всегда, терминами атакуют. Вот решил специалиста спросить.

Маша фыркнула, но не смогла сдержать улыбки, — В какой среде реакция?

— Что-то там про структуру белков. С медициной связано. По твоей теме.

— Надо подумать. Да что у тебя телефон всё пиликает?

— Ну, всё, мне пора, — Илья Викторович отхлебнул полный рот кофе, проглотил, поднялся из-за стола, поцеловал жену в висок и бросил через плечо, — Работа.

По дороге к метро он остановился у детской площадки, помахал детям, но те наперегонки карабкались по скалодрому и никого не замечали. Илья Викторович ухмыльнулся — в его детстве такого не было. Одни ржавые качели на весь район. Да и у тех сиденье бомжи зимой на доски для костра разобрали. Дурное было время. Хорошо, что близнецы такого не узнают.

На этот раз телефон зазвонил.

— Ну, как? Закрыл дело? Мне пресс-релиз нужен. Журналисты одолели, — начальник отделения плевал в трубку каждое слово.

— Веду расследование, Александр Александрович.

— Какое ещё расследование? — на том конце слышалось недовольное фырканье. — Слухи уже поползли. Ты мне это, давай, не филонь. Резко отчёт неси.

— У нас тут убой.

В трубке повисла тишина.

— Сан Саныч? Вы тут?

— Мать твою ж перемать. Какой, к чёрту, убой? Вы там что, от скуки театр затеяли? Шерлок Холмс и Доктор Ватсон. Закрывай мне дело.

Илья Викторович водил челюстью и колебался, — К вечеру сделаю, — дождался отбоя, с тоской пролистал оповещения о новых лотах гаражной распродажи, вздохнул и сел на поезд до участка. Как это всё не вовремя.

В анатомичке было холодно, но пальто Илья Викторович всё равно оставил в кабинете. Молодая судмедэксперт протянула отчёт, распечатанный мелким шрифтом на небелёной бумаге, даже с отменным зрением прочитать его было невозможно. Девушка в синей медицинской робе, с соломенным пучком на голове походила на птичку колибри — миниатюрная и светливая. Илья Викторович ещё не запомнил её имени, патологоанатомы долго в участке не задерживались, им становилось скучно так же как и операм. Эта пришла совсем недавно.

— Здесь что-то есть про автокаталитический эффект в белках?

Девушка затрепетала всем телом, будто нашла аппетитный цветок, полный нектара — Да, всё верно. Распад структуры качелей произошёл из-за лавинообразной реакции, вызванной органическими примесями. Не знала, что вы так хорошо разбираетесь в химии.

— Моя жена — бывший патологоанатом. Работала здесь до рождения детей.

— О! Служебный роман.

Илья Викторович посмотрел на девушку исподлобья так, что она зарделась.

— Простите, неуместное замечание, — она запустила демонстрацию на экране. — Вот посмотрите, я визуализировала процесс. Анализ показал, что причиной послужил дефектный белок, образующий устойчивые структуры.

— Это могут быть пищевые отходы?

— Нет. Точно нет. Такой тип аномалии характерен исключительно для человека. Кроме того, есть же запись с камеры...

— Уже всем разболтали! Никакой дисциплины, — Илья Викторович ударил ладонью по столу, девушка вздрогнула. — Послушайте, мы здесь ведём расследование, и ваша задача — не делать скорые выводы, а рассмотреть факты и исключить все возможности.

— Как в деле Сикорского? — выпалила девушка и тут же осеклась.

Илья Викторович побагровел и сжал губы, но отвечать не стал.

Патологоанатом потупилась, отпархнула к соседнему столу, покусала губу, сложила раскиданные бумаги аккуратной стопкой, несколько раз переложила, в поисках того самого подходящего места и протёрла лоб так, словно невероятно устала. Поднять глаза она так и не решилась.

— Я обдумала варианты. Вообще, в таких случаях полагается тело, чтобы было с чем сравнить. Но тела нет. И расщепление материалов в Рецикл-системе разрушает сложные структуры. При всём желании мы не смогли бы точно определить, кому принадлежит исходный материал. Но он однозначно человеческий. У носителя была неопасная, возможно, не диагностированная, патология крови, аномальная агрегация плазменных белков. В процессе переработки сформировались белковые агрегаты, включённые в композит. Они и привели к разрушению объекта.

Илья Викторович посмотрел на бейдж, хмыкнул и похлопал девушку по плечу, — Так держать... Ниночка.

Теперь он запомнит её имя.

— Да, и ещё, — бросила Нина вслед уходящему, — Нужно было много, очень много белка для такой масштабной реакции. И простите за бестактность.

Илья Викторович хмыкнул, набрал Боткина и через полчаса сидел в его кабинете. Рецикл-департамент располагался в новом здании из адаптивного композита с встроенной системой термостабилизации и перераспределения нагрузок. Архитектура в духе супрематизма.

тизма — по форме напоминала низкорослое дерево, собранное из гигантского некрашеного Лего. Внутри такая же евклидовая, как и снаружи. Кабинет Боткина походил на куб с усечённым углом для лучшего освещения. Вся административная часть здания была оснащена системой зеркал, свет включали только после заката.

— Значит, вы говорите, что утилизация останков невозможна.

Боткин кивнул.

— Но у меня есть заключение эксперта. В материале обнаружены следы человеческой органики. Как она могла туда попасть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.